

Экспертные и массовые оценки будущего Европейского Союза в глобальном мире

Аннотация

В статье анализируются тенденции глобального развития и потенциал европейских обществ в контексте растущих новых мировых центров влияния. Источниками послужили социально-экономические исследования и прогнозы, публикации во влиятельных западных СМИ, статистические данные (индекс человеческого развития HDI, индекс конкурентоспособности IMD, индекс продуктивности GGDC), результаты опросов общественного мнения (ESS 2005, 2007; Eurobarometer 62, 67, 71). Также были использованы материалы экспертных интервью, проведенных с рядом ведущих европейских социологов в июле 2008 года. На этом основании автор приходит к выводу, что, несмотря на существующие политические и демографические проблемы, Европа не утратит свою экономическую позицию в мире в ближайшие 25–30 лет, а трансформация Европейского Союза в федеративную сверхдержаву может послужить условием для геополитического лидерства Европы. Эффективность такой трансформации может быть обеспечена путем демократизации (дебюрократизации) институтов ЕС и европейского интеграционного проекта.

Ключевые слова: *Европа, европейская интеграция, Европейский Союз, развитие, экспертные оценки.*

После завершения процедуры ратификации Лиссабонского договора и избрания первого в истории президента Совета Европы европейские общества, объединенные проектом единой Европы, могут получить дополнительный импульс для развития. В целом 1990-е — начало 2000-х были годами господства ценностей западного мира, экономического процветания либеральных демократий и экспансии глобальной рыночной экономики. Особенно успешным это время стало для Европейского Союза, который значи-

тельно расширился территориально, практически догнал по масштабам экономику США и укрепился политически. Это наибольший на сегодня в мире рынок с населением полмиллиарда человек, высокими стандартами качества жизни и развитыми демократическими институтами.

Однако в последние годы в экспертных кругах и СМИ раздавалось множество критических оценок нынешнего состояния и перспектив ЕС. Как известно, в 2005 году был провален проект конституции ЕС на референдумах во Франции и Нидерландах — странах, которые изначально выступали катализаторами европейской интеграции. Ратификация Лиссабонского договора 2007-го, призванного решить проблему политической реформы и повышения эффективности институтов ЕС, проходила непросто. В июне 2008 года Договор был отвергнут на референдуме в Ирландии. Федеральный конституционный суд Германии 30 июня 2009 года приостановил ратификацию Договора, признав необходимым внесение поправок в законодательство с целью усиления полномочий национального парламента в процессе принятия общеевропейских решений. После принятия поправок к сопроводительному закону завершилась ратификация со стороны Германии в сентябре 2009 года. Благодаря уступкам и гарантиям национального суверенитета в вопросах внешней политики, налоговой системы и политики по “этическим вопросам”, а также обещанию постоянного представительства в Еврокомиссии в октябре 2009-го в Ирландии удалось провести повторный референдум, на котором Лиссабонский договор был поддержан. Лишь после этого завершила ратификацию Договора Польша, для которой принципиальным условием является существование ЕС как объединения суверенных государств, а не единого сверхгосударства. Еще острее противоречие между *стремлением к сохранению национального суверенитета и необходимостью повышения эффективности управления ЕС в глобальном мире* проявилось при ратификации Лиссабонского договора Чехией, которая после долгой внутривнутриполитической борьбы и переговоров присоединилась к нему последней 3 ноября 2009 года.

Помимо этого в ЕС накопилось множество других политических проблем, связанных, в том числе, с его недавним расширением. Возникло ощущение, что ЕС стоит на пороге если не кризиса, то застоя в развитии. Более того, такая ситуация сложилась на фоне рецессии, которая может быть проявлением глубинных изменений в мировой экономике, свидетельствующих о грядущем упадке развитых западных обществ.

Проблема может быть сформулирована следующим образом: насколько оправданы пессимистические прогнозы для экономического и политического развития Европы и, прежде всего, ЕС? Каким будет место Европы в глобальном мире в контексте растущих новых центров влияния к 2050 году?

Источниками для анализа послужили публикации во влиятельных западных СМИ в 2007–2008 годах, доклад о развитии ООН 2007–2008 годов, индекс конкурентоспособности IMD 2007–2008 годов, результаты опросов общественного мнения (ESS 2005, 2007; Eurobarometer 62, 67, 71), материалы журнала “Forbes”, социально-экономические исследования и прогнозы, опубликованные в 2000–2008 годах западными (П.Мандельсон, Р.Фогель, Г.Терборн, Р.Шапиро и др.) и российскими (В.Иноземцев, В.Кудров) авторами. Кроме того в июле 2008-го во время летней сессии международного проекта “Модерность и будущее капитализма в Евразии” под эгидой Программы поддержки высшего образования (HESP) Института Открытого Общества, реализуемого Международным центром сравнительных и ин-

ституциональных исследований и факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета, автор статьи провел четыре экспертных интервью с такими ведущими европейскими социальными учеными, как Г.Терборн (заведующий кафедрой социологии Кембриджского университета), А.Мартинелли (заведующий кафедрой экономической социологии Миланского университета), П.Ле Гале (директор Парижского центра политических исследований), Ю.Веселов (заведующий кафедрой экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета). Для полноты анализа были использованы, с одной стороны, профессиональные экспертные оценки, средне- и долгосрочные прогнозы, сделанные представителями различных школ, объективные статистические данные, а с другой — публичный дискурс, представленный в масс-медиа.

Критические оценки развития Европы

Критические материалы в западных СМИ, в частности, были вызваны сложностями в ратификации конституции ЕС, а затем — Лиссабонского договора. Вместе с тем в части этих критических материалов явно просматривается проамериканская позиция. Очевидно, что позитивные оценки развития ЕС не в интересах США, для которых он является хотя и союзным, но конкурирующим мировым центром. Естественно, США заинтересованы в демократической и экономически благополучной и даже процветающей Европе, но такой Европе, которая лишена динамики развития и представляет собой аморфное политическое образование, что позволило бы сохранить США мировое лидерство. С другой стороны, Россия постоянно играет на противоречиях внутри ЕС, заботясь о своей роли как в регионе, так и глобальной системе в целом. Россия, безусловно, заинтересована в альянсе с таким ЕС, который был бы политически неэффективен и, к тому же, удален, насколько это возможно, от США. Умеренно слабая Европа в интересах и других мировых центров влияния. Поэтому не удивительно, что ее слабости преувеличиваются в публичных оценках.

При всех действительно существующих проблемах и противоречиях в ЕС, СМИ, особенно американские, склонны их излишне драматизировать. Как указывает Э.Моравчик — директор Программы Европейского Союза в Принстонском университете, в США многие специалисты к празднованию 50-летия Римского договора вообще утверждали, что “Европа пришла в окончательный упадок”, делая акцент на демографической ситуации, падении конкурентоспособности, громоздкой и дорогостоящей системе социального обеспечения, технологическом отставании, провале принятия европейской конституции и т.п. [Моравчик, 2007].

Иногда можно говорить об искажении фактов. Например, М.Чемпион в “Wall Street Journal” от 19 марта 2007 пишет, что расширение ЕС крайне непопулярно и стало бранным словом в Европе [Чемпион, 2007]. Однако опросы, проведенные в то время, показали, что после вступления 10 новых членов за полгода число сторонников дальнейшего расширения ЕС значительно выросло в ЕС-15 (15 старых членов сообщества) — в среднем на 12% (весна 2004-го — на 37%, осень 2004-го — на 49%), в странах — новых членах поддержка расширения осенью 2004 года составляла 72%, а в целом по ЕС-25 — 53% [Eurobarometer 62, 2005: p. 152]. Правда, к апрелю–маю 2007-го число сторонников дальнейшего расширения ЕС несколько снизи-

лось — до 43% в ЕС-15 и до 68% в 12 странах, являющихся новыми членами [Eurobarometer 67, 2007: p. 189]. Тем не менее доля поддержки дальнейшего расширения ЕС весной 2007 года в странах ЕС-15 оставалась на 6% выше, чем была весной 2004-го, до вступления восточно-европейских государств. Оценка европейцами результатов самого большого расширения ЕС 2004 года была преимущественно позитивной: в 2007-м в ЕС-15 так считали 29% европейских граждан (23% оценивали негативно и 33% — нейтрально); а в 10 новых странах — членах ЕС 51% оценивали позитивно, 17% — негативно, 24% — нейтрально [Eurobarometer 67, 2007: p. 155].

Однако критический тон содержится и в оценках горячих сторонников европейской интеграции. Для этого имеются реальные основания. К.Махбубани отмечает в “Financial Times” от 22 мая 2008 года, что “несмотря на то, что экономика ЕС сопоставима с американской, действуя в быстро меняющейся международной среде, он оказывается политическим карликом” [Махбубани, 2008]. Помимо “постепенного сокращения [политического] влияния Европы на мировой арене” еще более важно отсутствие адекватной глобальным вызовам европейской политической стратегии, ее “убожество”, неумение “мыслить стратегически и в долгосрочном плане” [Махбубани, 2008]. В качестве стратегического выхода автор видит фундаментальное партнерство с Азией, которая предлагает новые модели развития и альтернативы модернизации в современном мире в качестве противовеса исламскому фундаментализму.

Г.Рахман двумя днями ранее в своей статье в “Financial Times” указал, что “Европа стала гигантской Швейцарией”, то есть “все более благополучной, мирной, комфортной — и бесполезной” в мировом политическом плане. Его мысль о связи вызовов, лидерства и динамичного развития очень ценна для понимания глубинных предпосылок европейской ситуации [Рахман, 2008].

Р.Каган в “Washington Post” от 15 июня 2008 года отмечает, что за последние 8 лет “Европа стабильно теряет уверенность в своих силах, все больше уходит в себя и смотрит в будущее со все большим пессимизмом” [Каган, 2008]. Его основные аргументы: отсутствие единства и противоречия в ЕС, отсутствие единого общепризнанного сильного лидера, проблема иммиграции, ассимиляции и культурной идентичности, рост влияния новых мировых центров (“азиатские гиганты” и Россия), пассивность во внешней политике (нежелание как рядовых европейцев, так и элиты нести бремя мирового лидерства).

Орошенные в рамках данного исследования эксперты (П.Ле Гале, Ю.Веселов, А.Мартинелли) выделяют иные, не менее существенные, проблемы: разнородность ЕС и различие в этапах модернизации и адаптации, медленные темпы реформ в “старых” ведущих членах ЕС, разрыв между политической элитой и массами (крайне важный момент, отмечаемый многими экспертами), неадекватность ЕС вызовам глобализации (П.Ле Гале в своем интервью утверждает, что для европейцев “Союз скорее становится частью проблем, чем их решением”), снижение легитимности политических институтов ЕС и уменьшение взаимного доверия между членами ЕС, слабые правительства и лидеры, неопределенность границ и “усталость от расширения”, проблема европейской идентичности и — один из основных моментов — “отсутствие привлекательного проекта интеграции” (каким ранее был “общий рынок”), неопределенность видения будущего Европы. В редакционном комментарии “Financial Times” от 19 июня 2008 года очень точно подмечено: не-

смотря на то, что большинство жителей Европы — сторонники ЕС, “люди забыли, зачем нужен Союз и перестали понимать, как он работает. Их беспокоит то, что он стал слишком большим и слишком чужим” [The Financial Times, 2008]. Опросы общественного мнения подтверждают данный тезис: в 2009 году почти половина европейцев (48%) заявили, что они не понимают, как работает ЕС, и только 41% имеют об этом представление [Eurobarometer 71, 2009: p. 135]. В крупнейших странах ЕС их еще меньше: в Италии только 33% понимают, как функционирует ЕС, в Великобритании — 37%, Испании — 40%, во Франции — 41% [Eurobarometer 71, 2009: p. 136].

Таким образом, существует комплекс как фундаментальных, так и ситуативных проблем для ЕС. Существуют также ряд недавних исследований, схожим образом прогнозирующих геополитическое и экономическое развитие в XXI веке. Согласно Р.Шапиро, в силу прежде всего демографических причин экономическим мировым лидером станут Китай и другие развивающиеся страны, которые сформируют новый экономический ландшафт и сосредоточат в своих руках практически все промышленное производство и значительную часть сферы услуг [Shapiro, 2008: p. 11–12]. При этом, однако, США сохранят лидерство в производстве новых продуктов, останутся страной передового бизнеса и всемирным центром рынка капиталов. Таким образом, в соответствии с расчетами Р.Шапиро, экономический и, вместе с ним, геополитический упадок из всех нынешних развитых мировых центров ожидает как раз Европу.

Работа Р.Фогеля — Нобелевского лауреата в области экономики и профессора школы бизнеса Чикагского университета — демонстрирует такую же логику. Основные факторы прогноза — текущие темпы экономического и демографического роста. По его подсчетам к 2040 году ВВП Китая будет равняться 123 трлн долл. США, что приблизительно в 3 раза больше всего мирового продукта в 2000 году. Но самое главное, Китай превратится в сверхбогатую страну с показателем 85 тыс. долл. ВВП на душу населения при вдвое меньшем прогнозируемом показателе для ЕС-15 [Fogel, 2007: p. 90]. Фогель также утверждает, что его расчеты близки к прогнозам ЦРУ и журнала “Economist” [Fogel, 2007: p. 87]. Собственно, такой плачевный для европейцев результат определяется не какими-либо частными проблемами ЕС, а фундаментально более низкой по сравнению с растущими глобальными силами конкурентоспособностью Европы, которая стареет и утратила динамизм в развитии. Кроме Китая к этим силам относят еще Индию и страны Юго-Восточной Азии. В таблице приведены отдельные показатели, рассчитанные Р.Фогелем [Fogel, 2007: p. 88–89].

Необходимо, впрочем, отметить, что Р.Фогель не дает детальной и убедительной аргументации слабости Европы (помимо указанного общего демографического фактора), сосредоточиваясь на преимуществах и потенциале Китая перед другими мировыми центрами, в том числе — Индией. Для него, как и для Р.Шапиро, недемократичность Китая является его важнейшим преимуществом в глобальной конкуренции. Фактически речь идет о возможности гигантской эксплуатации трудовых ресурсов страны, которые на сегодня представляются неисчерпаемыми. Чем меньше таких возможностей, тем слабее, по логике Р.Фогеля, конкурентоспособность мирового центра в современном глобальном мире. Такая логика проста и эффективна, но ограничена.

Демографические и экономические показатели глобальных центров (регионов) в 2000-м и по прогнозу на 2040 год, %

Страна или регион	Доля в населении Земли в 2000-м	Доля в населении Земли в 2040-м	Доля мирового ВВП в 2000-м	Доля мирового ВВП в 2040-м
США	5	5	22	14
ЕС-15	6	4	21	5
Япония	2	1	8	2
Китай	22	17	11	40
Индия	16	17	5	12
Юго-Восточная Азия (6 стран)	6	6	6	12

Источник: [Fogel, 2007: p. 88–89].

Оптимистические оценки развития Европы

К позитивным оценкам европейского развития можно, в первую очередь, отнести официальные документы ЕС. Стратегией развития Европы (так называемая Лиссабонская стратегия) является создание наиболее конкурентоспособной в мире экономики, основанной на знаниях, в сочетании с повышением уровня социальной сплоченности (солидарности) общества [Lisbon European Council, 2000]. При несколько излишнем пафосе, характерном для всех документов, готовящихся в Брюсселе, поставленные цели верны и отвечают вызовам современности. Поэтому нельзя согласиться с теми критиками, которые утверждают, что руководство ЕС не видит современных тенденций глобального развития и не занимается выработкой стратегии. В Европе хорошо осознают важность инвестиций в человеческий капитал и проводят (хотя и недостаточно быстро и не вполне эффективно по причине европейской бюрократизированности) реформу высшего образования и научно-исследовательского сектора. Разработаны индикаторы развития, проводится их мониторинг, готовятся ежегодные доклады, увеличивается доля ВВП на финансирование фундаментальных исследований и НИОКР [European Commission, 2007]. Также в ЕС хорошо осознают проблему старения населения и работают над созданием адекватной системы социального обеспечения и форм включенности на рынке труда [Ferrera et al., 2002]. Менее последовательна политика в сфере иммиграции и повышения уровня рождаемости (согласно экспертному интервью с Г.Терборном). В то же время не следует забывать, что недавнее расширение ЕС на треть увеличило его трудовые ресурсы.

Вторая составляющая позитивного взгляда на перспективы Европы — это оценка самих европейцев. До глобального кризиса большинство граждан ЕС были очень оптимистичны в отношении своего будущего и демонстрировали высокий уровень удовлетворенности своей нынешней жизнью. В 2006-м удовлетворенность жизнью отметили 82% опрошенных (в том числе 22% были “очень удовлетворены”), лишь 14% признали, что “не очень удовлетворены”, а 4% — что “совсем не удовлетворены” [Eurobarometer 71, 2009:

р. 7]. По данным Европейского социального исследования (ESS) средний показатель удовлетворенности состоянием национальной экономики с 2005-го по 2007-й вырос в 10 из 12 стран ЕС-15, которые принимали участие во второй и третьей волнах исследования, а также в 4 из 5 восточноевропейских стран — новых членов ЕС. В 2007 году уровень удовлетворенности состоянием национальной экономики был выше медианы (> 5) 11-балльной порядковой шкалы в 9 из 12 стран ЕС-15, в которых проводился опрос [Golovakha, Gorbachuk, 2009: p. 21].

Более двух третей европейцев (69%) оптимистично оценивали будущее ЕС и только 24% — пессимистично [Eurobarometer 67, 2007: p. 171].

Глобальный кризис повлиял на уровень удовлетворенности жизнью жителей ЕС, который все-таки остается достаточно высоким: в 2009 году 77% (-5% по сравнению с 2006-м) были удовлетворены своей жизнью (в том числе 21% — “очень удовлетворены”), 17% — “не очень удовлетворены” ($+3\%$ по сравнению с 2006-м) и 5% — “совсем не удовлетворены” ($+1\%$ по сравнению с 2006-м в пределах статистической погрешности 1,9%) [Eurobarometer 71, 2009: p. 7].

Несмотря на снижение удовлетворенности жизнью, уровень поддержки членства своей страны в ЕС остается стабильным: в 2009 году 53% европейских граждан оценивали членство позитивно (-2% по сравнению с 2006-м, в пределах статистической ошибки 3,1%), 15% — негативно (идентично с 2006-м), 28% — нейтрально (идентично с 2006-м) [Eurobarometer 71, 2009: p. 91]. Вместе с тем этот показатель сильно отличается в различных странах: наименьшее число респондентов, которые дают позитивную оценку членству в ЕС в 2009 году, в Латвии (25%), Великобритании (28%) и Венгрии (32%); наибольшее — в Испании (71%), Нидерландах (72%) и Люксембурге (79%); в 9 из 27 стран ЕС это число менее 50% [Eurobarometer 71, 2009: p. 93]. Доля опрошенных, которые считали, что их страна в целом выигрывает от пребывания в ЕС, составила в 2009-м 56% ($+2\%$ по сравнению с 2006 годом, в пределах статистической погрешности 3,1%) [Eurobarometer 71, 2009: p. 95].

При неоднозначном отношении к укреплению центральных органов ЕС и стремлении к сохранению национального суверенитета, велико число европейцев, которые выступают за повышение уровня интеграции ЕС. По данным Европейского социального исследования (ESS), средний показатель отношения к унификации ЕС хотя и несколько снизился в 2007-м по сравнению с 2005-м в большинстве стран (в 13 из 17, которые принимали участие во второй и третьей волнах исследования), но в Швеции, Португалии, Польше и Эстонии он возрос и в целом остается довольно значительным: с минимальным значением (4,18) в Великобритании и максимальным (7,48) — в Румынии. Данный показатель был выше медианы (> 5) 11-балльной порядковой шкалы в 4 из 12 стран ЕС-15 и в 8 из 9 стран — новых членов ЕС, в которых проводился опрос в 2007 году [Golovakha, Gorbachuk, 2009: p. 20].

Жители ЕС по-прежнему демонстрируют чувствительность в вопросах национальной идентичности и культурной самобытности, что объясняет противоречивую динамику общего отношения к унификации Европы, о которой шла речь выше. Очевидно, что число тех, кто верит в необходимость полной интеграции ЕС, все же уступает тем, кто не разделяет такую точку зрения. Вместе с тем 51% (53% в ЕС-15) опрошенных в 2007 году считали вероятным, что через 50 лет ЕС будет иметь своего президента, избираемого

прямым голосованием европейских граждан (30% в это не верили), а 56% согласились с предположением, что в 2057 году ЕС будет иметь собственную армию (26% его отвергли) [Eurobarometer 67, 2007: р. 175–176]. Более половины жителей, признающих вероятным подобный сценарий развития сообщества даже в такой отдаленной перспективе, — это важный индикатор формирования настроений в столь проблемно-болезненном вопросе, как превращение ЕС в федеративное государство с единым лидером и армией.

Если говорить об эффективности управления сообществом, то взгляд на европейскую интеграцию является более прагматичным, и число ее сторонников растет. С 2006-го по 2009 год возросло число тех европейцев, кто считает, что больше решений в различных областях жизни должно приниматься на уровне ЕС: 81% — в сфере борьбы с терроризмом (+1% по сравнению с 2006-м, в пределах статистической погрешности 2,5%), 78% — в сфере научных исследований и инноваций (+4%), 76% — в вопросе обеспечения энергоресурсами (+7%), 70% — что особенно важно, в обеспечении роста экономики (+10%), 64% — в поддержке сельского хозяйства (+7%) и 60% — в борьбе с безработицей (+9%) [Eurobarometer 71, 2009: р. 148]. При этом только 13% опрошенных считают, что наибольшее влияние на их жизнь оказывают решения, принятые на уровне ЕС — это значительно меньше, чем на национальном (46%), местном и региональном (34%) уровнях [Eurobarometer 71, 2009: р. 79].

В целом почти две трети европейцев выражают оптимизм в отношении будущего ЕС: в 2009 году 55% были настроены оптимистично, 9% — очень оптимистично, 23% — пессимистично и только 6% — очень пессимистично [Eurobarometer 71, 2009: р. 211]. Следует подчеркнуть, что общественное мнение в демократических обществах крайне важно при принятии решений, а самооценка европейцев является чувствительным показателем, который обозначает определенную тенденцию развития европейского общества.

Существуют оптимистические оценки настоящего и будущего ЕС и среди серьезных исследователей. В интервью с опрошенными экспертами (А.Мартинелли, Г.Терборн, П.Ле Гале) отмечается, что главнейшим достижением ЕС является мирное сосуществование европейских народов, веками воевавших и уничтожавших друг друга. Сегодня военный конфликт между Францией, Германией, Великобританией или другими государствами невозможно представить. Уже одно это должно вселять уверенность в европейском будущем. ЕС также принес экономическое процветание. После подписания Римского договора в 1957 году последующие полтора десятилетия оказались “золотыми” с экономической точки зрения в истории организации. Страны ЕС сократили отставание от США по ключевым макроэкономическим показателям более чем в 1,5 раза: ВВП на душу населения увеличился с 43% к уровню США в 1956 году до 68% — в 1971-м, а общественная производительность труда возросла с 49% в 1956–1960 годах к уровню США до 74% — в 1976–1980 годах [Сутулин, 1987: с. 89–91].

Преодолев кризисы 1970–1980-х годов, европейская экономика динамично развивалась в 1990–2000-е годы, опережая экономику Японии, хотя в этот период вновь наметилось отставание от США [Кудров, 2005: с. 6, 10]. Даже при некотором замедлении экономического роста в 2001–2003 годах в ЕС значительно росли потребительские расходы и уровень жизни, а также в

течение 1994–2003 годов непрерывно увеличивалась производительность труда [Кудров, 2005: с. 11, 14].

Э.Моравчик в ответ на критицизм по отношению к ЕС возражает: “Европа смогла обеспечить на протяжении большей части послевоенной эпохи темпы экономического роста, превосходящие американские. В ней создана одна из самых успешных государственных систем — современная система социального обеспечения, которая, несмотря на все свои изъяны, принесла народам Европы невиданное благополучие и безопасность” [Моравчик, 2007]. Он также утверждает, что на самом деле Европа не отстает по эффективности от самой передовой на сегодня экономики: “Производительность труда в расчете на час работы во Франции выше, чем в США. Ежедневная производительность в Соединенных Штатах выше европейской лишь потому, что европейцы предпочитают более короткий рабочий день, чем американцы” [Моравчик, 2007]. Также важным фактором для европейской экономики является ее неразрывная связь с американской. Э.Моравчик отмечает, что около 60% американских зарубежных инвестиций направляются в Европу; в свою очередь, две трети общего объема всех прямых иностранных инвестиций в Соединенных Штатах европейского происхождения: “мало кто из американцев осознает, насколько сильно их собственное благополучие зависит от Европы и насколько тесно взаимосвязаны их экономики” [Моравчик, 2007].

Таким образом, ситуация, когда европейская экономика окажется в кризисе, а американская полностью или частично сохранит свои позиции в мире (именно в этом суть прогнозов экспертов из США Р.Фогеля и Р.Шапиро), маловероятна.

Г.Терборн в работе 2006 года показывает, что Европа является ведущим игроком в мировой торговле и главным “мировым адвокатом” [Therborn, 2006: р. 286]. Он сравнивает ситуацию начала XXI века со временем безусловного мирового господства европейских стран в начале XX столетия. Он приводит данные, согласно которым различие не столь существенно, как принято считать: в 1913-м внутриевропейский оборот составлял треть мировой торговли, торговля Европы с остальным миром — почти половину; в 2000-м — это 29% мировой торговли и 40% мирового экспорта (доля Восточной Азии, включая Китай — 25%, США — 14%, Японии — 7%) [Therborn, 2006: р. 286–287]. К тому же Европа — это крупнейший мировой инвестор с позитивной динамикой — 57% (США — 20%, Япония — 4,7%), а также реципиент 40% мировых инвестиций (Китай — менее 10% в 2002-м). Вывод Г.Терборна: “Европа — все еще центральный узел глобальных потоков торговли и капитала... основной двигатель экономических процессов, о чем часто забывают в национальных картинах глобализации” [Therborn, 2006: р.287].

ЕС также выступает главным действующим лицом международного права, международных соглашений, в том числе, что особенно важно, “конституционализации (“constitutionalization”) мировой торговли” [Therborn, 2006: р. 288]. Для внутривосточной жизни ЕС ключевую роль играет формирование общеевропейской системы права, принцип прямого действия коммунитарного права, его приоритет перед национальным правом [Therborn, 2006: р. 290]. Кроме того, ЕС стал разработчиком примерно 20% всех принимаемых в Европе законов [Моравчик, 2007]. Особенно эффективны правовые институты ЕС (причем эффективнее национальных) при взаимодействии с ТНК и регулировании рынка, защите интересов европей-

ских потребителей и производителей в условиях глобального рынка (согласно экспертным интервью с А.Мартинелли и П.Ле Гале).

В редакционном комментарии “Financial Times” от 19 июня 2008 года делается акцент на том, что, несмотря на провал референдума в Ирландии в 2008 году, жизнь в Европе без ЕС невозможна и лидерам ЕС необходимо “открыто представить свои достижения” — то, чем ЕС может похвастаться — “общий рынок”, свободное перемещение людей, капиталов, товаров и услуг [The Financial Times, 2008], и на мировой арене ЕС оперирует как единая общность, например в ВТО [Therborn, 2006: p. 289–290]. П.Ле Гале, опрошенный в качестве эксперта, в своем интервью подчеркивает, что, несмотря на политические провалы, не вызывают сомнения беспрецедентные достижения ЕС в построении единого европейского рынка: “Еврокомиссия одержима единым внутренним рынком”. Здесь ЕС не имеет конкурентов в мире и ушел далеко вперед по сравнению с существующими региональными организациями. Если учесть масштаб этого межнационального рынка, полученный успех является важнейшим фактором для будущего экономического роста в Европе.

Оптимистически настроенные специалисты также осознают риски, которые ожидают Европу в ближайшем будущем. Главный из них — демографический. Если в 2007 году соотношение экономически активного населения и пенсионеров составляло 5 : 1, то в 2050-м ожидается 2 : 1. Однако, например, Э.Моравчик считает, что повышение пенсионного возраста и изменение иммиграционной политики может решить проблему [Моравчик, 2007]. Г.Терборн в своем экспертном интервью говорит о постепенном переходе ЕС к политике селекционной иммиграции по образцу Канады и Австралии. Он также приводит данные, согласно которым представители молодого поколения в демографически проблемных на сегодня странах ЕС хотят иметь двух детей. Для повышения рождаемости также необходима новая жилищная политика.

Риск, связанный с проблемами интеграции мусульманского населения, по мнению Э.Моравчика, преувеличен. Мусульмане составляют менее 5% населения ЕС, а уровень насилия в среде иммигрантов и на религиозной почве в Европе не намного выше, чем в США [Моравчик, 2007]. Кроме того следует учесть, что освобождаемые рабочие места станут доступными для иммигрантов, что снимет существующую ныне напряженность.

В целом, оценивая риски глобализации, П.Мандельсон, бывший Еврокомиссар из Великобритании и почетный председатель организации “Policy Network”¹, приходит к выводу, что такие сильные стороны Европы, как система образования, инновационность и креативность, в сочетании с правовой политикой позволят использовать глобализацию в свою пользу. Он считает ЕС “лучшим инструментом управления глобализацией”; без более сильного и эффективного ЕС европейским нациям не удастся ни выстоять в современную эпоху, ни повлиять на внутренние и международные правила, защитить свои интересы и ценности [Mandelson, 2007: p.30].

¹ Данная организация объединяет таких крупных специалистов, как Э.Гидденс, и сосредоточена на проблеме будущего Европы в глобальном мире и способности европейских институтов решать новые задачи, поставленные глобализацией.

Таким образом, политическая и технократическая элита ЕС понимает все значение его институтов в эпоху глобализации и озабочена их укреплением и реформированием европейской экономики. В этом их не всегда поддерживают простые европейцы, испытывающие недоверие к ЕС как агенту глобализации и испытывающие чувство неуверенности, которое, эксплуатируемое национальными политическими элитами, для решения своих проблем и тактических задач перекладывает всю вину на Брюссель. Такова природа расхождений между политической элитой и массами, снижения доверия к институтам в современной Европе.

Оценка соотношения сил в будущем

Можно сделать вывод о том, что, во-первых, ЕС действительно переживает институциональный кризис, и Европа требует изменений, которые уже происходят (прежде всего, вступление в силу Лиссабонского договора); во-вторых, как достижения, так и этот кризис свидетельствуют о том, что перед Европой открываются большие возможности для лидерства в глобальном мире. Вопрос заключается в том, будут ли эти возможности использованы.

Данная ситуация вообще типична для ЕС, который пребывает в кризисе практически перманентно и время от времени блестяще его преодолевает. Например, четверть века назад, в 1985 году в западных СМИ также, как и в 2007–2008 годах, публиковались критические материалы и прогнозы под рубрикой “Упадок Европы”, в которых говорилось, что ЕС поражен болезнью под названием “европессимизм”, усугубляющейся и превращающейся в евросклероз (подр. см.: [Сутулин, 1987: с. 97]). В середине 1980-х звучали сомнения в том, что Европа способна провести модернизацию “устаревших и ослабевших” отраслей промышленности, преодолеть разногласия и выработать “последовательную промышленную политику”, ликвидировать “зияющую пропасть в технологии” (см.: [Сутулин, 1987: с. 97–98]). Мало кто считал реалистичным создание единого рынка и введение общей валюты. Однако тогда движение за интеграционное преобразование ЕС и изменение его институциональной структуры привело к беспрецедентному в мировой практике межнациональных добровольных объединений успеху. Единый рынок и валюта давно стали реальностью, произошел технологический прорыв в экономике. Ирландия за 20 лет стала богатейшей страной ЕС с наиболее динамичной экономикой. Великобритания, Финляндия, Испания и Греция с 1990 по 2005 год имели в среднем ежегодный прирост ВВП на душу населения 2,5% (а Ирландия — 6,2%! — больший, чем у США, экономика которых опередила европейскую в структурной перестройке и формировании инновационного сектора (2,1% в среднем ежегодно) [Human Development Report, 2008: р. 229–230]. Япония, от которой в середине 1980-х ожидали, что она догонит в ближайшее время по этому показателю США, и которую тогда так боялись и ставили Европе в пример, оказалась в затяжной стагнации и теперь далеко позади. Кто бы в это поверил 20 лет назад?

Таким образом, ЕС, оказываясь в сложной ситуации, доказал свою жизнеспособность и, что более важно, способность развиваться. Каков ресурс для развития сегодня?

Необходимо исходить из того, что место в глобальной системе и геополитическая роль определяется, во-первых, масштабом экономики и ее эф-

фективностью, а значит, наличествующими ресурсами, во-вторых, эффективностью политической системы (внутренней и внешней политики), обеспечивающей социальную сплоченность внутри общества, а также влияние, реализацию интересов и распространение определенных ценностей в мире.

Угрожает ли Европе потеря своей роли в мировой экономике? Можно утверждать, что Европа сохранит позицию второй экономики в мире в ближайшие 25–30 лет. Это самый большой 500-миллионный рынок в мире. Достигнутое благосостояние и образ жизни поддерживают высокий уровень потребления. Уровень потребления и емкость рынка в современной экономике являются определяющими факторами развития. По производительности труда экономика ЕС уступает лишь США и Норвегии (Люксембург превосходит США) [Inklaar, Timmer, 2009: p. 54]. Уровень конкурентоспособности экономики здесь один из самых высоких в мире (в первой десятке 6 стран ЕС) [Global Competitiveness Index, 2008]. Европа — лидер по притоку прямых зарубежных инвестиций с высокой рыночной капитализацией ведущих компаний [Therborn, 2006: p. 286–287]. Научно-технический потенциал уступает только США. Большие усилия направлены на развитие высшего образования, науки и R&D¹. В 2006 году из 100 лучших университетов 54 принадлежат США и 29 — ЕС; если же взять 500 лучших, то у США — 168, а у ЕС — 195, то есть 39%(!) [Academic Ranking, 2006]. Г.Терборн в своем экспертном интервью подчеркивает, что в экономике ЕС, также как и в США, сконцентрировано производство с повышенной прибавочной стоимостью. Темпы развития до 2008 года были хорошими, причем ряд стран (Ирландия, Великобритания, Финляндия, Испания, Греция) продемонстрировали возможность качественного прорыва. Большой потенциал имеют страны Восточной Европы, которые динамично развивались перед вступлением в ЕС и после него. Особенно важно, что в них быстрый рост ВВП происходил одновременно с увеличением производительности труда. В Чехии, Эстонии, Румынии, Болгарии, Латвии, Литве повышение производительности даже опережало рост ВВП [Кудров, 2005: с. 25–26]. С 1994 по 2003 год производительность труда возросла в Литве на 91%, в Эстонии — на 87%, в Латвии — на 60%, в Словакии — на 39%, в Польше — на 46%, в Венгрии — на 31% [Кудров, 2005: с. 27].

Демографические тенденции — безусловно, сдерживающий фактор экономического развития ЕС. Это одна из причин того, что США должны сохранить свои лидирующие позиции в глобальной экономике. Однако, как отмечалось, существуют способы смягчения негативного воздействия демографического фактора. ЕС выдвинул стратегию социальной включенности, предусматривающую, в том числе, снижение безработицы, пролонгацию занятости пенсионеров (за последние 5 лет их занятость увеличилась по ЕС на 5%, а продолжительность жизни в Европе одна из самых высоких в мире и имеет тенденцию к увеличению), вовлечение в рынок труда иммигрантов, низкоквалифицированных рабочих, хронических безработных [European Commission, 2007]. Как отметили опрошенные эксперты (А.Мартинелли и Г.Терборн), текущий уровень безработицы среди молодежи очень высок (20% — во Франции, почти 40% — в Польше), и это значительный трудовой

¹ *Research & Development [Chambers, 1983] — исследование и развитие; тут: сфера инновационных научно-исследовательских разработок.

резерв. Еще большим резервом является иммиграция (например, Испания за 10 лет имеет позитивное сальдо нетто-иммиграции в 3 млн) и трудовые ресурсы новых стран-членов. Но самое главное — это качественное повышение эффективности человеческого капитала в экономике [Lisbon European Council, 2000].

Ученые, обосновывающие пессимистическое будущее Европы, ссылаются на демографический фактор, однако их расчеты построены в большей мере на экстраполяции существующих трендов роста ВВП. Если вернуться к цифрам, приведенным Р.Фогелем [Fogel, 2007: р. 88–89], то из них очевидно следует, что Китай становится лидером за счет не только размеров трудовых ресурсов, но и их эффективности в создании ВВП, что не подкрепляется данными.

Несложно подсчитать, что в 2000 году 1% доли Китая в населении планеты создавал 0,5% от доли мирового ВВП, 1% от доли США — 4,4%, от доли ЕС-15 — 3,5%, от доли Японии — 4%, от доли Индии — 0,31%. То есть в ЕС эффективность населения в 7 раз выше, чем в Китае, и в 11 раз — чем в Индии. В 2040 году данный показатель в США составит 2,8%, в ЕС-15 — 1,25%, в Японии — 2%, в Китае — 2,35%, в Индии — 0,7%. Остается непонятным, почему при сходной демографической ситуации и производительности труда показатели ЕС и Японии столь разнятся в 2040 году. Еще большее сомнение вызывает несоразмерный рост эффективности населения Китая (эффективность населения Китая превысит европейскую в 1,9 раза, причем за 40 лет до этого в ЕС данный показатель был в 7 раз выше), особенно в сопоставлении с Индией, которая имеет демографическое преимущество перед Китаем. Следовательно, рост доли трудоспособного населения по сравнению с конкурентами не может объяснить таких кардинальных изменений. А эффективность китайской экономики, которая имеет “предельно экстенсивный характер”, крайне низка. Она основана на производстве массовых потребительских товаров и далека от экономики высокой добавочной стоимости.

Кроме того гигантский государственный сектор Китая, по словам В.Иноземцева, “применявший более 70% всей рабочей силы, занятой в промышленности, и использовавший почти 75% всех основных фондов и сырья, был способен производить всего лишь 30% промышленной продукции в 2000 г. ..., а его доля в совокупной прибыли всех китайских предприятий не превышала 1%” [Иноземцев, 2000: с. 111]. На стимулирование ускоренного экономического роста в Китае ежегодно тратится до 3% ВВП, но “увеличение кредитных вливаний в экономику Китая на 3 долл. выражается в росте промышленного производства всего на 2 долл.” [Иноземцев, 2000: с. 112].

Р.Фогель прогнозирует 8% среднего роста ВВП на душу населения Китая до 2040 г., основываясь на долговременном тренде 1980–2005 годов [Fogel, 2007: р. 88–89]. Однако это линейная модель прогноза, и можно с уверенностью предположить, что темпы изменений замедлятся. Если учесть опыт Японии (более 20 лет: с 1951 по 1973 рост превышал 9% в год) и других стран Юго-Восточной Азии, то это неизбежно. Хотя рост экономики Китая в значительно меньшей степени зависит от экспорта, последний все равно существенен (особенно с конца 1990-х) и подвержен таким же кризисам, какой пережили азиатские экспортеры в 1990-х годах. Гигантский внутренний рынок ограничен бедностью населения и определенной моделью потребления. В отличие от западного общества в Азии потребление не является приоритетом. (Расхожая шутка среди мировых экономистов:

“Заработав 100 дол., американец потратит 110, а китаец отложит 60”). В качестве примера можно привести ситуацию в Японии, когда меры правительства по стимулированию внутреннего потребления в 1990-е не дали результатов: потребление продолжало снижаться, несмотря на гигантские финансовые вливания, которые перенаправлялись на реинвестирование.

Китай пока не может конкурировать с ЕС в сфере науки и технологических инноваций, системе образования и в целом значительно уступает в качестве человеческого капитала. Среди ведущих 100 университетов нет ни одного китайского, а “95% всех китайских студентов, обучающихся за границей, больше не возвращаются в страну” [Иноземцев, 2000: с. 117]. Несмотря на чрезвычайно быстрое развитие информационных технологий, в Китае только 85 пользователей Интернетом на 1000 жителей, тогда как в Германии — 455, а в Швеции — 764 [Human Development Report, 2008: р. 273–275]. ЕС вместе со США лидируют в научных исследованиях и создании технологий, лидируя по индексу мирового цитирования научных работ (по 39% по тому и другому региону); доля Китая 1%, России — 1%, Индии — 0,6% [Therborn, 2006: р. 296]. Г.Терборн также подчеркивает, что из всех Нобелевских лауреатов 1946–2000 годов в области естественных наук и экономики (n = 371) 59% представляли американские институции, 37% — западноевропейские, и только 4% — весь остальной мир.

В Китае регистрируется 16 патентов на миллион жителей, в Германии — 158, в Финляндии — 214. В Китае 708 человек на миллион жителей занято в сфере R&D, тогда как во Франции — 3213, в Великобритании — 2706, даже в менее развитой Португалии — 1949, а в Финляндии — 7832 [Human Development Report, 2008: р. 273–275].

Согласно журналу “Forbes”, из 100 крупнейших компаний мира к ЕС относятся 41, к США — 29, к Китаю — только 6, к Бразилии — 3, к России — 1 и нет ни одной индийской, а в первой тысяче крупнейших компаний преобладают уже американские — 310; к ЕС относятся — 276, к Китаю — 45 (в 6 раз меньше, чем к ЕС), к Индии — 14, к Бразилии — 13 [Forbes, 2009].

Структурные различия между Китаем и развитыми западными странами столь велики, что, по подсчетам В.Иноземцева, “если даже Китаю удастся поддерживать из года в год достигнутые им сверхвысокие темпы роста (то есть 9%, а это маловероятно по вышеизложенным причинам. — Ю.С.), каждый из китайских граждан ежегодно будет становиться на 600 долл. беднее среднего американца” [Иноземцев, 2000: с. 117]. В несколько меньшей степени это утверждение так же справедливо и для сравнения китайцев с жителями ЕС.

Таким образом, ЕС, обладая хорошим потенциалом для успешного экономического развития в ближайшие десятилетия после мирового кризиса, сохранит роль одной из лидирующих экономик, а следовательно, будет иметь ресурсы для геополитического лидерства.

В отличие от экономического однозначный политический прогноз дать сложнее. Очевидна лишь необходимость в дальнейшей интеграции и укреплении институтов ЕС, вплоть до создания наднационального государства, для сохранения и укрепления своих позиций в глобальном мире. Если некоторые брюссельские лидеры рассчитывают на это (мнение П.Мандельсона), то все опрошенные в рамках данного исследования эксперты считают такой сценарий маловероятным. По их мнению, вероятнее всего ЕС останется только достаточно эффективной международной организацией (А.Мартинелли,

Г.Терборн). В этом случае он действительно не будет обладать большим геополитическим влиянием, не использовав имеющиеся экономические ресурсы и человеческий капитал. Европе будет уготована, как удачно заметил Р.Каган в “Washington Post” от 15 июня 2008 года, “роль Хора в греческой трагедии: от нее исходят бесконечные комментарии и суждения о действиях персонажей пьесы, никак, впрочем, на ход и концовку самой пьесы не влияющие” [Каган, 2008]. Г.Терборн в своем экспертном интервью прогнозирует, что ЕС станет “Большой Скандинавией”, то есть богатым и экономически сильным обществом, но не имеющим значительного политического веса.

Серьезным фактором, который сдерживает развитие наднациональных институтов ЕС как супергосударства, является его недавнее “восточное” расширение и планы по включению новых членов. Фактически был выбран экстенсивный путь развития сообщества (увеличение размеров) вместо интенсивного (углубление интеграции). Это решение идеально устраивало США, которые тем самым достигали своей цели поддержания демократии в Восточной Европе и ее вовлечения в орбиту Западного мира и в то же время решали скрытую задачу — не допустить превращения ЕС в мощного политического конкурента, если бы в Европе образовалось федеративное государство. Сегодня США продолжают подталкивать ЕС к приему новых членов, в частности Турции. Если это будет сделано, то дальнейшая интеграция будет практически остановлена на многие десятилетия. В случае приостановления дальнейшего расширения ЕС шанс для интенсификации его политического развития есть. А.Мартинелли считает единственным выходом формат “углубленного сотрудничества”, при котором заинтересованные страны консолидируются внутри ЕС для большей интеграции, оставая для других членов возможность примкнуть позднее. О “коалиции добровольцев” как спасении для ЕС после неудачного референдума в Ирландии в 2008 году также писал Д.Муази (D.Moisi) в “Les Echos” [Муази, 2008].

Вместе с тем следует оспорить предположения Р.Кагана и Г.Рахмана, что “Европа без руководства, а теперь и без договора — действительно такова лишь потому, что этого хочет народ” [Каган, 2008; Рахман, 2008].

Как ни парадоксально это звучит, но именно провал референдума в Ирландии в 2008 году, а не только его успешный дубль и ратификацию Лиссабонского договора в 2009 году, можно рассматривать как позитивный знак для Европы и залог ее успеха в будущем. Развитие ЕС идет по пути бюрократизации, свертывания демократических процедур и ослабления демократических институтов. В 2008-м только 30% жителей сообщества считали, что их голос учитывается в ЕС, а 61% — нет. Демократия на национальном уровне, по мнению граждан, оставалась эффективнее — то, что их голос учитывается в их собственной стране, полагало 46% опрошенных (48% ответили, что не учитывается) [Eurobarometer 71, 2009: p. 99]. Кроме того, в 2009 году 63% европейцев отметили, что влияние местной и региональной власти при принятии решений в ЕС недостаточно, а 21% придерживались противоположного мнения [Eurobarometer 71, 2009: p. 83]. В процессе ратификации Лиссабонского договора конституционный суд Германии отметил существование “структурного дефицита демократии” в ЕС.

Л.Сидентоп в “Financial Times” от 4 июля 2008 года даже высказал предположение, что “существует опасность возникновения псевдодемократии... возможно, ослабление культуры демократии в европейских странах — невольное следствие евроинтеграции” [Сидентоп, 2008]. Европейцы же не

проявляют апатию, а отстаивают (хотя лишь голосованием против, как это было в Ирландии в 2008-м, а до этого во Франции и Нидерландах в 2005-м) чувство собственного достоинства, свое право и ценности, которые сделали Европу тем, что она есть (то, что сам Л.Сидентоп называет “европейским идеализмом”). Это означает, что есть предпосылки для выведения европейского проекта на новый качественный уровень. Выше отмечалось, что потеря динамики развития в Европе связана с утратой того, что Л.Гумилев называл *пассионарностью*. Европе, как и всегда в ее истории, необходимы “вызовы”, которые требуют общественного подъема. “Страх потери самоуважения и гражданского самосознания” [Сидентоп, 2008] может быть таким вызовом. Вызовом может стать и внешняя угроза. Тогда ЕС, движимый не брюссельскими технократами, а идеей, сплотившей европейцев, займет важное геополитическое место в этом столетии.

Выводы

Несмотря на риски 2000-х годов, можно прийти к заключению, что Европа не утратит свою экономическую позицию в мире в ближайшие 25–30 лет. ЕС сохранится как эффективное межгосударственное объединение. Его трансформация в федеративную сверхдержаву является условием для геополитического лидерства Европы. Ратификация Лиссабонского договора стала важным шагом на этом пути. Однако данная трансформация охватит в будущем, вероятно, лишь часть государств и будет эффективной при условии демократизации (дебюрократизации) институтов ЕС и замораживания приема новых членов. Успешность объединенной Европы в будущем зависит от привлекательности европейского интеграционного проекта, который поддержат европейские народы, а не только политические элиты и чиновники.

Безусловно, текущий мировой экономический кризис может внести существенные коррективы в ход развития глобальной системы. Вместе с тем, на мой взгляд, в цивилизационном плане Европа имеет преимущество перед обществами Азии, которое может явиться решающим фактором в обеспечении геополитического и геоэкономического лидерства. Как бы хорошо ни шли сегодня дела в Китае, это локальная, а не глобальная цивилизация. Авторитаризм и мобилизация могут давать превосходство на определенных этапах, но прорывы в развитии возможны только в обществах, основанных на индивидуализме, внутренней свободе, активности, инновационности и предприимчивости широких масс населения. Европейская цивилизация стала глобальной именно благодаря этому.

Литература

- Иноземцев В.* Пределы “догоняющего” развития / Иноземцев В. — М., 2000.
- Каган Р.* Европа сползает к собственной незначительности / Р. Каган // The Washington Post. — 2008. — 15 июня. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/241972.html>.
- Кудров В.М.* Экономика “Трех Европ” на подъеме (Сопоставительный анализ) / Кудров В.М. — М. : ИЕ РАН “ОГНИ ТД”, 2005.
- Махбубани К.* Европа — геополитический карлик / К. Махбубани // The Financial Times. — 2008. — 22 мая. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/241514.html>.

Моравчик Э. Уникальный момент / Э. Моравчик // Newsweek. — 2007. — 19 марта. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/233492.html>.

Муази Д. Конкурентоспособный упадок Запада / Д. Муази // Les Echos. — 2008. — 30 июня. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/242273.html>.

Рахман Г. Бесплезность — логический выбор Европы / Г. Рахман // The Financial Times. 20 мая 2008. Доступно 20 мая 2008: <http://www.inosmi.ru/translation/241457.html>.

Сидентоп Л. Европа пытается вернуться к идеализму, но не может / Л. Сидентоп // The Financial Times. — 2008. — 4 июля. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/242382.html>.

Сутулин А.М. Три центра империализма: сферы экономического соперничества / Сутулин А.М. — М. : Междунар. отношения, 1987.

Чемпион М. 50-летие ЕС. К вопросу о континентальном бездействии / М. Чемпион // The Wall Street Journal. — 2007. — 19 марта. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/233480.html>.

Academic Ranking of World Universities, 2006. — 2008. — 29 июля. — Режим доступа : <http://www.arwu.org/rank2008/EN2008.htm>.

Eurobarometer 62: Public Opinion in the European Union. — S.l., 2005.

Eurobarometer 67: Public Opinion in the European Union. — S.l., 2007.

Eurobarometer 71: Public Opinion in the European Union. — S.l., 2009.

European Commission official website. — 2007. — 25 сентября. — Режим доступа : http://ec.europa.eu/employment_social/social_inclusion/index_en.htm ; http://ec.europa.eu/employment_social/social_inclusion/objectives_en.htm.

Ferrera M. Open co-ordination against poverty: the new EU 'social inclusion process' / Ferrera Maurizio, Matsaganis Manos, Stefano Sacchi // Journal of European Social Policy. — 2002. — Vol. 12 (3).

Fogel R. W. Capitalism & democracy in 2040 / Fogel Robert W. // Dędalus. — 2007. — Summer,

Global Competitiveness Index 2007–2008. — 2008. — 20 августа. — Режим доступа : <http://www.weforum.org/pdf/gcr/2008/rankings.pdf>.

Forbes. — 2009. — 5 сентября. — Режим доступа : http://www.forbes.com/2009/04/08/worlds-largest-companies-business-global-09-global_land.html.

Golovakha E. Social Changes in Ukraine and Europe: Outcomes of European Social Survey 2005–2007 // E. Golovakha, A. Gorbachyk. — K. : Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, 2009.

Human Development Report. — S.l., 2008.

Inklaar R. GGDC Productivity Level Database: International Comparisons of Output, Inputs and Productivity at the Industry Level / Inklaar R., Timmer M. P. — Groningen : University of Groningen, 2009.

Lisbon European Council of March 2000. — 2006. — 19 мая. — Режим доступа : http://ec.europa.eu/employment_social/social_inclusion/index_en.htm.

Mandelson P. European Union in the Global Age / Mandelson P. — London : Policy Network, 2007.

Shapiro R. Futurecast : how superpowers, populations, and globalization will change the way you live and work / Shapiro Robert. — New York : St. Martin's Press, 2008.

The Financial Times. Время сосредоточиться на успехах Европы. — 2008. — 19 июня. — Режим доступа : <http://www.inosmi.ru/translation/242090.html>.

Therborn G. Europe and Asia: in the Global Political Economy and in the World as a Cultural System / Therborn G. // Asia and Europe in Globalization / ed. by G. Therborn, H. H. Khondker. — Leiden; Boston: Brill, 2006.